

От автора

Для кого написана эта книга?

На этот стандартный вопрос я хочу дать не стандартный, а может быть, даже странный ответ: она написана прежде всего для тех, кто со мной, автором, *не согласен*.

Например:

- для тех, кто убежден в том, что наша Родина пережила за последние полтора десятилетия совершенно ненужные рыночные реформы (мы и без них жили прекрасно), и это была страшная трагедия, своего рода апокалипсис;

- для тех, кто считает, что реформы, может быть, и были нужны (для того, чтобы мы жили так же богато, как живут в Европе или Северной Америке), но были проведены неправильно, под подсказку если не прямых врагов, то недругов России, и проведены не патриотами, а наймитами этих недругов типа Ельцина, Гайдара или Чубайса, с их «антинародным правительством»;

- для тех, кто убежден, что демократия и либерализм в экономике, как и другие западные ценности, чужды российскому народу, с его соборностью, духовностью и другими проявлениями его самобытности и величия.

Убежден, что если, как говорят в народе, злоба не застит им глаза, и если они способны вдумываться в написанное, а также если они проявят желание считаться с фактами и *понять суть дела*, то им придется хоть немного, но изменить свои взгляды. И это поможет им с большей уверенностью и оптимизмом смотреть в будущее нашей Родины.

Разумеется, книга обращена и к единомышленникам, которые хотят глубже познать экономическую историю страны за судьбоносный для нее период - последние полтора десятилетия, ко всем думающим людям, которые интересуются экономикой и в частности, основами новой науки – *экономики переходного периода*. Надеюсь, они найдут в книге дополнительные аргументы и факты, позволяющие разъяснить окружающим прогрессивные экономические идеи и тем способствовать дальнейшему продвижению рыночных реформ, становлению нового экономического устройства России, которое, способно сделать ее одной из ведущих и процветающих стран современного мира (разумеется, если все мы приложим для этого свои силы и способности).

Если первые хотя бы немного поколеблются в своих взглядах и убеждениях, а вторые – упрочатся в своих, я сочту свою задачу выполненной.

В заключение – несколько слов об истории создания этой книги и ее источниках. В ее основу положена моя книга «Экономика двоевластия», изданная в 2000 году под редакцией – вечная ему память! – выдающегося журналиста и экономиста Отто Лациса. Но это не переиздание, хотя несколько глав из нее вошли сюда либо целиком, либо с существенными доработками; остальные главы написаны заново. Главными литературными источниками послужили два фундаментальных труда Института экономики переходного периода, в создании которых я, как редактор и ведущий научный сотрудник института, тоже принимал посильное участие. Они оба называются: «Экономика переходного периода», только

охватывают два последовательных периода российских реформ.¹ Это своего рода энциклопедия экономической жизни России за последние годы. Уверен: более полного, всестороннего, насыщенного богатейшим цифровым и фактическим материалом описания переходных процессов в экономике России не найти нигде больше. Но массовому читателю эти книги (общим объемом в две тысячи страниц!) вряд ли доступны. Между тем, именно массовому читателю, во многом сбитому с толку противоречивыми событиями последних лет, а также умело поставленной антиреформаторской пропагандой, спекулирующей на слабой исторической памяти и недостаточной экономической грамотности людей, - именно массовому читателю очень важно разобраться в происходящем.

Помочь в этом и должна книга, представляющая собой популярную историю экономических реформ в России.

Введение.

В.1 Что такое централизованно планируемая экономика.

На протяжении почти всего двадцатого столетия в Советском Союзе проходил невиданный социальный эксперимент. Общеизвестно его содержание, общеизвестен и его результат. Ученые говорят, что отрицательный результат эксперимента не менее полезен для науки, чем положительный: он показывает, что из

¹ Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991 – 1997.. М.,1998.; 113 стр. ; Экономика переходного периода. Очерки

ста путей к истине неизведанными остаются только девяносто девять. Так и здесь: человечество на практике убедилось, что социалистический общественный строй, хотя и задуманный из самых лучших побуждений, разработанный великими умами, ведет в тупик. Знаменитый лозунг большевиков «За жизнь совсем хорошую!» обернулся для тех, кто за ним пошел, тяжкими многолетними испытаниями, унижительными очередями за всем мало-мальски нужным в быту (недаром их называли «неизбежным спутником социализма»), сталинской тиранией и лагерями ГУЛАГа, а также самоубийственным противостоянием всему остальному миру.

Поскольку эта книга посвящена экономической истории, мы сосредоточимся именно на экономической стороне дела, по возможности не касаясь других ипостасей общественного строя: политики, культуры, международных и межнациональных отношений и т.д. (Кроме, разумеется, тех немногих случаев, когда это необходимо для понимания смысла событий экономических)

Что такое экономическая система социализма? Как писали в советских учебниках, это система централизованного планирования и управления народным хозяйством. И правильно писали. По существу, из этой формулы можно извлечь все: есть некий центр, который, во-первых, планирует, то есть устанавливает *цели и задачи* всем экономическим единицам от народного хозяйства в целом, отрасли, региона, вплоть до отдельного предприятия, цеха и каждого работника; и, во-вторых, управляет, то есть организует выполнение заданий, подбирает для этого кадры, назначает сроки, проверяет выполнение, поощряет справившихся с заданиями и карает не справившихся. Планируя и управляя, центр распределяет *ресурсы*,

необходимые для выполнения каждой цели и задачи – это означает, что ресурсы ему и принадлежат (как, впрочем, все остальное на территории страны). Не будем здесь вдаваться в политику, то есть определять, как называются эти ресурсы, принадлежащие центру: социалистическая собственность, государственная собственность, общенародная собственность или собственность центра, то есть партийной верхушки, которая и была этим центром – ясно лишь, что частная собственность в этом перечне не фигурирует. Собственно, ликвидация частной собственности и полное господство в экономике социалистической собственности объявлялось главным критерием построения социализма в данной стране.²

Поскольку мы говорим - партия, а подразумеваем – государство, и наоборот, то можно назвать Централизованное планирование и управление экономикой *государственным управлением*. Оно охватывало, или, по крайней мере, стремилось охватывать все стороны жизни общества, а не только то, что составляло собственно экономику. Апофеозом этого стремления можно считать замечательную строчку Маяковского: «Я хочу, чтоб в дебатах потел Госплан, мне давая задание на год!»...

² Для справки: большевики после революции с невероятной быстротой провели национализацию промышленности вплоть до кустарных мастерских (см «Окно» на стр....) Но лишь во времена правления Н.Хрущева были окончательно ликвидированы артели промысловой кооперации – эти последние островки капитализма (если не считать так называемых «цеховиков», которых государство тысячами расстреливало за «незаконную предпринимательскую деятельность».)

Окно 1 -

Как коммунисты скручивают голову гидре капитализма

(Напоминание для господ капиталистов, поддерживающих КПРФ)

Теория

«Бьет час капиталистической собственности. Экспроприаторов экспроприруют»

К.Маркс: “Капитал”

“Война внешняя кончилась или кончается. Это решенное дело. Теперь начало внутренней войны. Буржуазия, запрятав награбленное в сундуки, спокойно думает: ничего, отсидимся. Народ должен вытащить этого “хапалу” и заставить вернуть награбленное. Вы должны провести это на местах... Прав был старик-большевик, объяснивший казаку, в чем большевизм. На вопрос казака, а правда ли: что вы, большевики, грабите?”, - старик ответил: “да, мы грабим награбленное”

В.И.Ленин. Речь к пропагандистам, отправляемым в провинцию, 1918 г.

Практика.

. Вот как реализовывались эти идеи предшественниками современных коммунистов:

26.10 1917 - декрет “О земле” - национализация помещичьих имений: удельных, монастырских, церковных земель “немедленно и без всякого выкупа”.

14.11. 1917 - введен рабочий контроль. Местные органы Советской власти еще до декрета о национализации промышленности конфисковывали предприятия: по данным ВСНХ к 1-му съезду совнархозов (конец мая 1918 г.) уральская металлообрабатывающая промышленность была национализирована на 80%.

25.11. 1917 - национализация дворянских и крестьянских поземельных банков.

27.12. 1917 - национализация частных банков : “Банковское дело объявляется государственной монополией... “

26.1. 1918 - декрет о конфискации акционерных капиталов и аннулировании банковских акций.

26.1. 1918 - национализация торгового флота

28.6. 1918 - декрет “О национализации крупнейших предприятий по горной: металлургической и металлообрабатывающей: текстильной, электротехнической, лесопильной и деревообделочной, табачной, стекольной и керамической, кожевенной, цементной и прочим отраслям промышленности, паровых мельниц, предприятий по местному благоустройству, и предприятий в области железнодорожного транспорта”.

2.12. 1918 - ликвидация обществ взаимного кредита, городских общественных банков и закрытие отделений иностранных банков

29.9. 1920 - национализация всех предприятий с числом рабочих свыше 10 без механических двигателей и свыше 5 с механическими двигателями.

Коммунистам хватило двух-трех лет, чтобы свернуть в бараний рог *всех капиталистов*, вплоть до бедняков-кустарей.

Вопрос: отсидится ли “новая” буржуазия, от «олигарха» до «челнока», на этот раз, если коммунисты вернутся к власти?

Степень централизации (или, если есть такое слово, – централизованности) планирования и управления в разные периоды советской истории была различной. Одно дело – период военного коммунизма, другое – годы НЭПа, третье – время так называемых Косыгинских реформ, и так далее. Однажды, работая в архиве, я наткнулся на протокол Коллегии Госплана СССР, которая по поручению правительства СССР рассмотрела заявку правительства Киргизской ССР на выделение ему... 36 (тридцати шести!) граммов золота. Как выяснилось – для изготовления депутатских значков вновь избранному Верховному совету республики.³ Вот по какому крупному вопросу мог «в дебатах потеть Госплан» в середине 70-х годов! (Разумеется, наряду с такими, как, например, химизация народного хозяйства или строительство флотилии атомных подводных лодок, – но этот пример показателен. Это – тоже своего рода апофеоз централизма!).

На протяжении всех этих лет находились экономисты, которые (разумеется, в рамках, ограниченных политической цензурой) доказывали, что централизованная система (как они говорили, «планирование до каждого болта») исходно неповоротлива, а значит, неэффективна, что никакой план не охватит всего многообразия потребностей нормального человеческого общества. Когда возникло экономико-

³ РГА экономики, фонд 4372. микрофильм 57, 79.

математическое направление, (это было в шестидесятые годы), экономистами-математиками делались даже подсчеты: сколько миллионов и десятков миллионов позиций составляет номенклатура изделий промышленности? И оказывалось, что для составления только одного варианта всеохватывающего годового плана при любой мыслимой (оговорюсь – в те времена!) мощности вычислительных устройств потребовались бы... тысячелетия расчетов!

Разумеется, партийная власть видела эту проблему. В экономическую систему, выражаясь по-научному, вносились элементы иерархии. Попросту это означает, что каждому хозяйственному звену предоставлялась некоторая самостоятельность (когда большая, когда меньшая) в принятии собственных решений. Например, о том, как использовать предоставляемые центром ресурсы, о распределении этих ресурсов по нижестоящим звеньям, о вознаграждении участников производственного процесса за выполнение заданий и так далее. Но это вызывало новые проблемы, еще более сложные. Решения принимают живые люди, со своими интересами, далеко не всегда совпадающими с интересами центра - их надо было как-то учитывать и согласовывать. Право вышестоящего разрешить или не разрешить, дать или не дать что-то нижестоящему порождало коррупцию – задолго до нынешнего ее «расцвета», так волнующего наше общество. Главной заботой любого директора было получить план пониже, а ресурсов побольше, чтобы его легче было выполнить (к тому же «излишки» ресурсов можно было пустить налево, в подпольное производство так называемой неучтенной продукции и извлечь из этого немалые выгоды). Для этого пускались в ход все

ухищрения и, конечно, взятки. Ходил даже такой анекдот: «Сколько стоит вагон проката? Ящик коньяка специалисту Госснаба»...

В отчетности были распространены так называемые «приписки» - например, завод докладывал об изготовлении машины и даже потребитель подтверждал (разумеется, за известную мзду) ее получение, а машина еще и не выходила из сборочного цеха. Замечательный пример такого рода дошел однажды до суда: на известном Апрелевском заводе грампластинок построили новый цех. Все чин чинном, разрезали ленточку, цех вступил в строй. А потом кому-то вздумалось пересчитать количество окон и колонн в цехе и сравнить с утвержденным проектом. Точные цифры забыл, но примерно получилось так: в проекте 80 колонн, в натуре – 70, соответственно, окон 70 и 60. «Излишки» были кому-то проданы, а деньги – поделены.

Горы книг посвящались поиску показателей, «объективно» и «справедливо» отражающих выполнение предприятиями заданий централизованного плана. Чуть ли не всенародно, в газетах, обсуждались недостатки основного показателя оценки – так называемой валовой продукции. Когда они стали понятны всем, экономисты бросились конструировать все новые и новые показатели. Например, был такой показатель «нормативная стоимость обработки». Кто о нем сегодня помнит? А в шестидесятые годы аббревиатура НСО не сходила со страниц печати. Внедрению этого показателя посвящались научные конференции, проводились экономические эксперименты в масштабе целых областей (совнархозов) и отраслей. И ничего вся эта суета не изменила.

Острейшим вопросом считалось сокращение количества показателей, планируемых предприятиям (их число в отдельные

периоды достигало нескольких сотен!). И опять – неудача: вместо сокращенных показателей очень скоро возникали новые, потому что при сокращении терялся контроль над какими-то сторонами производственной, хозяйственной деятельности, чем немедленно пользовались люди, не вполне, скажем так, честные - готовые воспользоваться любой «форточкой» в плане, чтобы извлечь для себя выгоду. (Повторю: это мы сейчас вдруг обнаружили, что такое коррупция, а на самом деле эта зараза была жива и тогда; просто мы о ней мало знали, потому что не в интересах партийной власти было выносить сор из избы!)

Самые прозорливые и смелые экономисты пытались призвать на помощь считавшиеся буржуазными понятия прибыли и рентабельности – тогда еще, из осторожности, говорили о прибыли не как о реальной сумме денег, каковой она является на самом деле, а лишь как еще об одном показателе. Но и это вызывало гнев партийных властей и правоверных советских экономистов. Они, в общем-то, справедливо видели, что за такими попытками скрывается тайная тяга к рыночной, капиталистической экономике.

Показательна судьба профессора Евсея Либермана - автора статьи «План, прибыль, премия», с которой началась известная экономическая дискуссия шестидесятых годов. Результаты дискуссии, в свою очередь, легли в основу Косыгинских экономических реформ 1965-1968 годов. По идее, они должны были существенно ослабить железную хватку централизованного планирования и управления. На них и у нас, и за рубежом возлагались большие надежды – не только в отношении экономики, но и в смысле либерализации политики советского тоталитарного государства в целом. На Западе был даже пущен в оборот термин «либерманизация России». Но испугавшись возможного развития

начавшихся в экономике страны процессов, а особенно событий 1968 года в Чехословакии, руководство СССР быстро свернуло реформы. И неудивительно: в Чехословакии первые же шаги экономической либерализации сдвинули с места лавину демократических преобразований, грозивших устранением власти коммунистической бюрократии.

Имя Либермана фактически было предано забвению⁴. Вопрос о дальнейшем изменении сложившейся жесткой системы управления экономикой (ее стали называть административно-командной) был снят с повестки дня. Так продолжалось вплоть до середины восьмидесятых годов, когда катастрофическое снижение темпов роста и эффективности производства окончательно обнажило исторический факт: советская экономика обречена. (См. об этом ниже, в главе 2)

Вся хозяйственная жизнь в стране регламентировалась постановлениями Политбюро Центрального комитета КПСС и Правительства, Законодательством и ведомственными нормативными актами. Принципы экономической системы социализма в разной степени воспринимались и даже копировались так называемыми странами народной демократии. В целом это была сложившаяся система, во всех отношениях противоположная экономической системе капитализма, которая господствовала на всей остальной части земного шара.

Надо признать: система централизованного планирования и управления один раз в истории оправдала себя - во время Великой Отечественной войны, когда потребовалось мобилизовать все

⁴ Запомнился факт, который меня в свое время покорибил. На Всесоюзной экономической конференции 1968 года, формально посвященной ходу экономической реформы (а на самом деле ее прекращению), я увидел Либермана. Но отнюдь не в президиуме, как можно было ожидать. Я наблюдал, как робко «отец реформы» пробирался в один из последних рядов балкона киноконцертного зала «Октябрьский», где проходила конференция...

ресурсы экономики для достижения ограниченного количества целей. Это было ее высшее достижение. Поэтому подобные системы иногда называют *системами мобилизационной экономики*.

История централизованного планирования и управления представляла собой, по выражению одного юмориста, «зигзаги прямого пути». После войны общая тенденция состояла в очень постепенном, с отступлениями и колебаниями, отходе от заложенных в систему жестких и по своему существу *не экономических принципов*; в попытках использования, наряду с принуждением, чувства личной заинтересованности работников в результатах труда; а также в проникновении в нее понятия прибыли и некоторых других чуждых ей элементов нормальной экономики.

При всех колебаниях, система показателей и нормативов, определявших деятельность предприятий (любых предприятий, не только промышленных, но и строительных, транспортных, сельскохозяйственных и т.д.) постепенно уточнялась, порою становилась относительно более гибкой; придуманное взамен капиталистической конкуренции «социалистическое соревнование» дополнялось экономическими стимулами. Но в целом система централизованного планирования и управления экономикой оставалась неизменной до декабря 1991 года.

В.2 Что такое рыночная экономика

Прямая противоположность социалистической экономики - рыночная капиталистическая экономика. Оговорюсь, что это только в теории - при их рассмотрении, так сказать в чистом виде. На самом деле, как централизованная система планирования и управления менялась во времени, так и капитализм бывает разный в разные эпохи и в разных странах. К этому мы еще вернемся, но

нагляднее всего сущность современной капиталистической экономики отражена в следующем отрывке из всемирно известного учебника «Экономика» профессора П.Самуэльсона, лауреата Нобелевской премии:

«..возьмем город Нью-Йорк. Без непрерывного потока товаров, движущихся в город и из города, он за неделю оказался бы на грани голода. Этот поток должен включать множество товаров – именно нужных видов и в нужных жителям города количествах. Из ближайших округов, из 50 штатов и из самых дальних уголков земного шара товары совершают путешествие, длящееся дни и месяцы, чтобы попасть в Нью-Йорк.

Как же могут 12 миллионов человек спокойно спать по ночам, не испытывая смертельного страха перед тем, что эти сложные экономические связи, от которых зависит существование целого города, в один прекрасный день могут нарушиться? Ведь все они осуществляются без принуждения или централизованного руководства со стороны какого-либо целенаправленно действующего компетентного органа!

Каждый обращает внимание на то, в какой мере государство контролирует экономическую деятельность: на таможенное законодательство, законы против фальсификации продуктов, регулирование предприятий коммунального обслуживания и железнодорожного транспорта, законы о минимуме заработной платы, о равном праве на труд, социальное обеспечение, установление минимума и максимума цен, общественные работы, национальную оборону, национальное и местное налогообложение, полицейскую охрану и судебное возмездие, предписания о территориальном расположении предприятий и домов (зонирование), муниципальные работы по водо- или газоснабжению

и т.д. Но то, что значительная часть нашей нормальной экономической жизни протекает без *прямого* вмешательства государства – это остается незамеченным. Десятки тысяч товаров производятся миллионами людей по их собственной воле и без централизованного руководства или общего плана...

Уже один тот факт, что конкурентная система рынков и цен действует, служит лучшим доказательством того, что эта система, каковы бы ни были ее недостатки, является чем угодно, но только не системой хаоса и анархии. Она обладает определенным внутренним порядком и подчиняется определенным закономерностям»⁵

В этой картинке сказано многое и самое важное о том, что такое реальный, а не книжный рыночный капитализм. Показано, что рынок – это удивительный общественный механизм, созданный человечеством для удовлетворения собственных потребностей. В противоположность централизованному планированию и управлению экономикой, здесь каждый, из *соображений собственной выгоды*, а не по указке «сверху», принимает экономические решения: выбирает, какие товары делать или какие услуги оказывать другим людям, а с другой стороны – какие товары покупать и какими услугами пользоваться. И в результате в обществе производится именно то, что ему нужно и сколько ему нужно. И опять-таки в результате этого ресурсы используются наилучшим при существующих возможностях способом (коротко это называется - оптимальным способом). Для этого на рынке существует конкуренция, то есть очень жесткий механизм естественного отбора: если ты не способен произвести товар дешевле и лучше других – уходи с рынка.

⁵ : Samuelson, P. A. Economics. 11th edition. McGraw-Hill, Inc. 1980. P.38. (Перевод автора).

Но, с другой стороны, длинный список того, чем в реальности занимается государство, регулируя рыночную экономику, показывает, что дело не так просто. Это только в книжках «невидимая рука рынка» (термин, введенный великим английским экономистом Адамом Смитом) направляет индивида, «стремящегося исключительно к своей собственной выгоде...к результату, который не входил в его намерения». Этим результатом, по Смиуту, является удовлетворение интересов общества. Но, как остроумно сказано в одном из известных экономических словарей, «современный взгляд на эту проблему сводится к тому, что хотя рука, без сомнения, действует, она, скорее всего, страдает артритом».⁶ Отсюда – необходимость и важность регулирующего вмешательства государства (точнее, нанятых обществом управляющих - например, правительства) в экономику. Мера, степень такого вмешательства – предмет постоянных дискуссий между разными политическими течениями и разными направлениями экономической науки в современном мире. Обычно тех, кто выступает за более активное вмешательство государства в экономику, называют «дирижистами» или «активистами», тех же, кто настаивает, что вмешательство должно быть лишь минимально необходимым – *либералами*. В разных странах, в разные периоды, этот вопрос решается по-разному. Поэтому в мире существуют не одна, а несколько разных капиталистических экономических систем. Они в какой-то мере соперничают, соревнуются между собой в эффективности, в способности обеспечивать лучшую жизнь населению своих стран. Может быть, ярче других это выразил французский экономист и публицист М.Альбер в нашумевшей в 90-е

⁶ Словарь современной экономической теории. Под ред. Д.У.Пирса. Перев. с англ. М.: Инфра-М. 1997.

годы книге с примечательным названием «Капитализм против капитализма». Противопоставляя «американскую» (более либеральную) и «шведскую» или «рейнско-европейскую» модели капитализма, Альбер, как истинный европеец, стоит на стороне второй. Однако признает, что в Великобритании Маргарет Тэтчер и в Соединенных Штатах Рональдом Рейганом была выиграна «...внутренняя битва против государственного интервенционизма, который грозил размыть самые устои капитализма»⁷

Точно так же, только в книжках можно найти так называемый чистый или совершенный рынок, требующий соблюдения ряда условий. Среди них - «атомистичность», то есть участие огромного числа *независимых* продавцов и покупателей (фирм и индивидов), каждый из которых недостаточно силен, чтобы воздействовать на функционирование рынка; свобода «вхождения в рынок» любого производителя и любого покупателя; «прозрачность рынка» - полная осведомленность участников о происходящих на рынке событиях, отсутствие сговора между продавцами и некоторые другие условия.

Как сказано, чистый или совершенный рынок это только теоретическая абстракция – в природе такого не бывает. На деле же современные рынки характеризуются смешанным распространением государственных, монополистических и олигопольных структур (олигополия – ситуация, когда на рынке того или иного товара господствует не единственный продавец – монополист, а небольшое их число, между которыми возможен сговор о ценах и другие помехи, затрудняющие конкуренцию). Однако на рынках многих продуктов (часто это относится к массовым продовольственным и иным потребительским товарам) большому числу продавцов противостоит большое число покупателей – в этом случае мы имеем

⁷ Albert M. Capitalisme contre capitalisme. P.1991, p. 7

подобие теоретическому «чистому» рынку и теоретической «свободной» конкуренции.

Действующий сегодня очень эффективный рыночный механизм отработан веками. В основном цены изменяются под воздействием соотношения спроса и предложения; распределение ресурсов и объемы производства, наоборот, в целом ориентируются на цены как сигналы, информацию о состоянии рынка и о будущих тенденциях его развития; для экономики характерна тенденция к оптимальной структуре производства и распределения благ (разумеется, речь идет только о тенденции, а никак не о достижении действительного оптимума на практике).

Существует много вполне объективных факторов, затрудняющих вхождение в рынок новых участников: например, если вы решили открыть новое производство, то надо, чтобы оно сразу было не менее массовым, чем уже существующие производства той же продукции – иначе вы не сможете вступить в конкуренцию с ними, то есть предложить покупателям более низкую цену. Между тем, создание массового производства и быстрое его освоение требует очень большого начального капитала. Образуется так называемый «барьер» для вхождения в рынок.

Краеугольный камень рыночной экономики – частная собственность, хотя регулирующее воздействие государства на экономику требует, чтобы ему тоже принадлежала часть собственности (чаще всего, как упоминает и Самуэльсон, это относится к системам коммунального обслуживания и другим объектам инфраструктуры). На самом деле все реально существующие экономические системы являются в этом смысле смешанными (в них сосуществуют и государственный, и частный секторы), хотя есть и исключения.

Верно, что не все идет «по теории». Но прав П.Самуэльсон, когда утверждает, что, несмотря на недостатки, рыночная система действует – и, добавим, ничего лучшего за тысячелетия своего существования человечество не придумало.

Хотя наряду со странами рыночной экономики еще существуют государства, где существует антипод рынка – плановая система управления экономикой, исторический опыт показал, что, по крайней мере на обозримое будущее, альтернативы рынку нет.

В.3 Что такое экономика переходного периода

Переход от одного общественно-экономического устройства к другому (например, от централизованно планируемой экономики к рыночной) – не разовый акт, а процесс, причем порой весьма длительный. Требуется изменить чуть ли не все: переписать законы и кодексы – от гражданского до уголовного и даже семейного; создать горы новых ведомственных нормативных актов и инструкций; пересмотреть организацию власти и управления – ликвидировать одни органы управления и создать другие; перестроить отраслевую и территориальную структуру экономики, наконец, во многом преодолеть устоявшиеся традиции и привычки людей, их отношение к миру и друг к другу, весь уклад их жизни. При этом возникают принципиально новые задачи экономической политики.

В настоящее время в мире сложилась целая наука, изучающая подобные сложнейшие процессы – экономика переходного периода или «транзитология». Она возникла в связи с тем, что с конца 80-х – начала 90-х годов прошлого столетия, как мы знаем, около тридцати стран Европы и Азии начали отказываться от социализма и переходить к рынку, капиталистическому общественно-

экономическому устройству (чем кстати, был опровергнут известный тезис 21-го съезда КПСС (1959 г.) о том, что «социализм в СССР победил полностью и окончательно»). Среди многочисленных проблем, решаемых этой наукой, следует упомянуть, например, такую: существует ли вообще у стран, развитие которых было заторможено социалистической системой, принципиальная возможность догнать со временем развитые страны по уровню своего экономического развития и благосостояния населения?

Специалисты по транзитологии полемизируют о закономерностях структурной перестройки экономики, изменений в системах ценообразования, последовательности реформ и так далее. Как мы увидим в последующих главах, многие работы транзитологов – противников так называемых «гайдаровских» методов проведения реформ критикуют те или иные принимавшиеся решения задним числом, исходя из чистой теории. Они при этом не учитывают те конкретные обстоятельства, которые *вынуждали* принимать именно эти, а не иные, может быть, более «приятные» и соответствующие теории решения. Вот только один пример. Крупнейший российский специалист в этой области академик В.М.Полтерович, критикуя либералов-реформаторов, пишет: «Успех реформ зависит от их подготовленности, выбора их последовательности и темпа». Все верно! Только у реформаторов, как будет показано в следующих главах, просто не оставалось времени для тщательной, неторопливой подготовки реформы – надо было спасти страну, летевшую в пропасть!

А вот пример того, как наука позволяет прийти к выводам, порою неожиданным.

Недавно, в своем ежегодном Послании (2005 года),

Президент В.В.Путин продолжил известную традицию генсеков КПСС, которые, приходя к власти, обязательно критиковали своих предшественников и обещали исправить ошибки, а порою и преступления последних. Он дал уничтожающую характеристику того, что делалось в стране до его, Путина, прихода к власти. Президент говорил о тяжелейшем экономическом спаде, нестабильных финансах, параличе социальной сферы, об олигархических группировках, которые обслуживали исключительно собственные, олигархические интересы. (Впрочем, к этой теме мы еще вернемся).

Имя первого Президента, правда, не упоминалось в этом пассаже, но и без того было ясно, чье правление имелось в виду. В начале девяностых годов все действительно катилось под гору: объемы производства падали, инфляция чудом остановилась на пороге разрушительной гиперинфляции, у всех на памяти неработающие банки, финансовые пирамиды, разгул преступности, «назначение» близких к власти людей миллионерами, задержки с выдачей заработной платы и кричащая бедность оставшихся без работы... Все это было.

А сегодняшняя ситуация? Хотя и остаются нерешенными некоторые проблемы (а когда их не будет?), общественное производство растет, растут и реальные доходы населения, строятся атомные подводные крейсера и сверхзвуковые самолеты (увы, пока что не фотоаппараты, электрочайники, дамские сапожки – но и это, будем надеяться, не за горами)...

Вывод из всего сказанного напрашивается простой: прежний (Ельцинский) режим был плох (правильно Г.Зюганов и другие левые именовали его «антинародным»), нынешний (Путинский) режим – хорош, успешен. (На минутку забудем, что те же деятели и его

называют антинародным, но, может быть, по инерции?).

Или еще проще и определеннее: президент Ельцин губил Россию, президент Путин ее спасает.

Уверен, что многие читатели согласятся с этим выводом. Казалось бы, найдено вполне убедительное объяснение того, что произошло со страной за последние полтора десятилетия. Все определяется личностью руководителя страны, его достоинствами и недостатками. Был плохой руководитель - в стране был спад, с хорошим руководителем начался подъем.

Но оказывается, не все так просто. В недавно вышедшей в свет книге «Долгое время» директора Института экономики переходного периода, доктора экономических наук Е.Т.Гайдара (того самого!) вы можете найти интересные таблицы и соответствующие им – для наглядности – графики. Присмотревшись к ним, уверен, сами сделаете неожиданные, если не сказать, поистине сенсационные выводы.

Действительно.

В девяностые годы прошлого столетия *почти три десятка стран* отбросили оковы социализма и начали переход к рыночной экономической системе. Эти страны очень разные: по своей величине – от России до Эстонии, по уровню экономического развития - от ГДР до Монголии, по продолжительности существования в них социалистического строя (три поколения в России и одно-два поколения в странах так называемого социалистического лагеря), по степени бывшего подчинения Советской империи (от стран Балтии, входивших в СССР, до Албании, враждебной к СССР), по жесткости внутренних режимов (от диктатуры в Туркмении до чешской демократии) и так далее. Наконец, сам переход, называемый постсоциалистическим, был в

разных странах осуществлен по-разному: в одних странах методом «шоковой терапии», в других постепенным, или как говорят, эволюционным путем; в одних он был начат кровавой революцией, как в Румынии, или даже войнами, как в странах бывшей Югославии или Закавказья, в других - бархатной революцией, как в Чехословакии, в третьих же изменения прошли почти незаметно – например, в Венгрии, где и без того была близкая к рыночной экономика, нормальная по европейским понятиям жизнь; там просто в результате парламентских выборов к власти пришли новые партии.

Очень по-разному осуществлялся главный процесс перехода к капитализму: приватизация бывшей государственной собственности (в упомянутой книге «Экономика переходного периода»⁸ можно найти описание по меньшей мере десятка так называемых базовых моделей приватизации – ваучерной, денежной, массовой, аукционной, инсайдерской и так далее.)

Наконец, эти три десятка стран населяют народы, чрезвычайно непохожие друг на друга по историческому прошлому, по традициям, по национальному характеру (а также по пассионарности, как сказал бы покойный Лев Гумилев)... Уж не говорю о разнообразии биографий, характеров и политических убеждений лидеров, возглавлявших эти страны на тех или иных этапах постсоциалистического перехода: среди них были и бывшие партийные вожди, и руководители оборонных предприятий, и академические ученые, и писатели...

И - о чудо! - при таком разнообразии условий и обстоятельств, во всех без исключения странах, о которых идет речь, постсоциалистический переход начался со *спада* производства,

⁸ Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России 1991-1997.: М. Институт экономических проблем переходного периода, 1998 с.с. 413-41

после которого последовала *стабилизация* и, наконец, наступил экономический *рост* – математики такой процесс изображают так называемой U-образной кривой. Различия - в глубине и продолжительности спада, в крутизне начавшегося после него подъема, сроках восстановления предреформенного уровня общественного производства. Можно по-разному анализировать эти различия. Ясно, например, что в целом глубина и продолжительность спада, а значит и трудности, пережитые населением, оказались ниже в тех странах, которые решительно провели реформы по методу «шоковой терапии» (Польша, Эстония, Хорватия), и выше – в тех, где предпочли «постепенный» или «эволюционный» путь (Украина, Румыния, Болгария и др.). Что касается России, то, как будет показано дальше, она вначале попыталась осуществить «шоковую терапию», но очень скоро отказалась от этого метода (если нужна точность, то «отменил» его применение 6-й Съезд народных депутатов, состоявшийся в начале апреля 1992 года). И по показателям своей U-образной кривой она оказалась где-то посередине между этими двумя крайностями.

Повторю: во всех без исключения странах! *Из этого можно сделать вывод, прямо противоположный приведенному выше: если бы в свое время Россию возглавил не Ельцин, а другой деятель (разумеется, демократической, рыночной ориентации, а не реставратор коммунистического прошлого), то все равно в начале постсоциалистического перехода страна испытала бы спад (может быть, более или менее глубокий и более или менее продолжительный). И кто бы ни сменил этого руководителя в дальнейшем – Путин или кто-либо иной – все равно спад рано или поздно, в конечном счете, сменился бы желанной траекторией экономического роста, со всеми вытекающими из этого*

последствиями – прежде всего, восстановлением и превышением прежнего, дореформенного уровня жизни населения.

Следовательно, главное в таких исторических процессах – не выбор или смена действующих лиц. Их таланты, волевые качества, заслуги имеют, конечно, значение - но дополнительное. Можно годами вспоминать (очень любят этим упражняться некоторые политики и борзописцы!), как Президент Ельцин «дирижировал» оркестром в Берлине или, как, будучи больным, «работал с документами» на даче. Можно, напротив, восхищаться незаурядной работоспособностью нынешнего Президента (дай Бог ему здоровья, чтобы продолжал в том же духе!). Но все это не имеет никакого отношения к рассматриваемому вопросу. Подобными процессами управляют экономические законы, столь же не подвластные людям, как законы природы. В данном случае речь идет о законах экономики переходного периода. Упомянутая выше U-образная кривая и есть математическое выражение одного из таких законов.

Развитие экономики России, как и других стран, следует этим законам. Можно спорить – много или мало 15 лет для того, чтобы делать окончательные выводы и оценки о результатах рыночных реформ. Известно, что для реформ президента Конрада Аденауэра и профессора Людвиг Эрхарда в ФРГ трех лет явно оказалось недостаточно (тогда многие с уверенностью говорили о «провале реформ»⁹), но вскоре результаты стали очевидными. Известно и то, что хотя реформы Дэн-Сяо Пина в Китае начались в 1978 году, лишь где-то в середине 1990-х годов (то есть лет через 15) экономика этой

⁹ Профсоюзы угрожали всеобщей забастовкой, требуя от президента немедленно отправить Эрхарда в отставку, однако тот отказался. Увы, иначе поступил в аналогичных обстоятельствах Б.Ельцин...

страны начала наращивать темпы роста, и мир заговорил о об очередном экономическом чуде – Китайском...¹⁰

Строго говоря, эта наука изучает переходные процессы, возникающие не только при смене социализма капитализмом, но и при любых других аналогичных общественно-исторических катаклизмах. Например, известная в свое время книга Н.Бухарина под точно таким же названием - «Экономика переходного периода» - была посвящена ситуации в экономике СССР после Октябрьской революции 1917 года, то есть вопросам перехода от капитализма к социализму.

В настоящее время в центре внимания науки транзитологии находятся очень разнообразные вопросы экономической трансформации, рассматриваемые в тесной связи с политическими, социокультурными и другими аспектами. Это, во-первых, проблемы либерализации и макроэкономической стабилизации, во-вторых, институциональные проблемы, то есть прежде всего формирование развитой системы отношений частной собственности, в третьих, проблемы так называемого восстановительного роста (то есть роста, которому предшествовал глубокий спад – он обладает своими особенностями, которых мы коснемся четвертой части книги). По всем указанным группам вопросов транзитология добилась существенных научных результатов как в сфере теоретического анализа и экономико-математического моделирования процессов, так и в сфере эмпирических наблюдений и обобщения практического опыта. Ведутся активные дискуссии между учеными,

¹⁰ Кстати, нельзя не напомнить критикам «шоковой терапии», что китайские реформы начались именно с «шока», да такого, какой и не снился российским реформаторам: там в одночасье были распущены так называемые сельскохозяйственные коммуны - по-нашему, колхозы, миллионы и миллионы колхозов. Нечто подобное у нас предлагал известный демократ первой волны, народный депутат Петр Сергеевич Филиппов. Эта инициатива вызвала столь ожесточенное сопротивление и даже травлю Филиппова, что стоила ему политической карьеры, которая до того складывалась весьма успешно.

придерживающимися несовпадающих, порой противоположных взглядов (как, например, по вопросу о «шоковой» или постепенной трансформации), издается обширная литература.

Но очевидно, что по мере упрочения новой социально-экономической системы и фактического завершения переходного периода актуальность науки транзитологии будет снижаться. Она все больше будет приобретать, как мне кажется, теоретический и исторический характер. А ученые, которые сегодня ею занимаются, постепенно переключатся на исследование закономерностей развития современной рыночной капиталистической экономики, а также на разработку более актуальных вопросов экономической политики.

В.4 Принципы демократии и экономический либерализм.

Понять содержание этой книги невозможно, если не договориться о двух основных понятиях: демократии и либерализма. За последние годы слова «демократ, либерал» в нашем обществе как бы потускнели, обветшали. Более того, слово демократ в иных устах стало звучать чуть ли не как ругательство.

А ведь не так давно с лозунгами борьбы за демократию, против тоталитаризма выходили на улицы и площади российских городов миллионы людей – людей с горящими глазами, воодушевленных, поющих песни, готовых головы сложить за торжество демократических идеалов (и как вы помните, трое героев действительно погибли 21 августа 1991 года, защищая демократию). Где все это сейчас?

Сказалось недовольство весьма широких слоев российского населения тем, как развивались события после начала

демократических и либеральных реформ; среди них распространилась (и даже искусственно насаждалась) политическая апатия, а часто и озлобление ... Нам еще придется в последующих главах поговорить об этом: о тех, кто потерял работу на закрытых заводах (главным образом - военных), и о тех, кто лишился теплых местечек в ликвидированных министерствах и пайков в «закрытых распределителях», и о тех бывших партийных начальниках, кому, в отличие от более расторопных коллег, не удалось урвать желанную долю госсобственности в процессе приватизации... Для многих, очень многих переходный период обернулся жизненными трудностями, разочарованиями, даже обнищанием – такое действительно забыть и простить трудно!

Однако сейчас, когда основные трудности позади, самое время, как по другому поводу говорил Маяковский, «сиять заставить заново» эти величественные слова – демократия и либерализм.

Демократия - власть народа; либерализм – от слова свобода. Это знают сегодня все, разъяснять, как будто, не требуется. Лучшие умы человечества на протяжении всей его истории разрабатывали способы организации общества, основанные на демократических принципах, проповедовали идеи либерализма, то есть свободы каждого человека принимать собственные решения в собственных интересах относительно собственной судьбы - но не ущерб интересам других людей, поскольку и они обладают точно такой же свободой принимать свои решения. Они, эти лучшие умы, выступали против всех форм подавления человека человеком: деспотии, тирании, тоталитаризма, самодержавия, автаркического управления (автаркия это принятие людьми, обладающими властью, решений без учета мнения и интересов других) и так далее. И они

утверждали: в условиях демократии первая обязанность власти – защищать права каждого человека (свободы совести и слова, право собственности, право на труд, право заключать соглашения, и так далее). Они так и называются - демократическими правами и записаны в Конституции любого государства, в том числе – Российской.

Получается, что понятия демократии и либерализма тесно связаны. Эта связь имеет глубокие корни. В давние времена сложилось представление о демократии, как «демократии налогоплательщиков». То есть люди, объединившиеся в общество, точнее - учредившие государство, решают оплачивать *вскладчину* общие, общегосударственные расходы (обычно это расходы на защиту от соседей, на управление и другие). Но каждый из тех, кто платит, имеет право голоса при решении о том, как тратить собранные средства. Он – налогоплательщик. И это звучит гордо!

В демократическом государстве власть народа, налогоплательщиков, осуществляется либо прямым путем (как было на Руси в Великом Новгороде, где все важные вопросы решало вече, или в деревенской общине, где для этого собирался сельский сход), либо, что в современных условиях стало всеобщим правилом, – с помощью представительных регулярно избираемых учреждений. Поэтому последнее время стали говорить не о демократии налогоплательщиков, а о демократии избирателей, задача которых состоит в том, чтобы, проголосовав на выборах, учредить власть над собой и над обществом. Во всех случаях решает большинство, и это естественно. Но и права меньшинства должны быть обеспечены, их защита и есть главная забота либералов. Они добиваются того, чтобы эти права не ущемлялись ни законами, принимаемыми

большинством, ни действиями назначенных этим большинством чиновников.

Тут главная идея: при автократии решения принимает чиновник, который может что-то дать или не дать, разрешить или не разрешить налогоплательщику, а при демократии этот чиновник – только нанятый налогоплательщиками управленец, оказывающий им, налогоплательщикам определенные *государственные услуги*. Непривычное словосочетание: государство и услуги? Да, непривычное. Но верное, и к нему придется привыкать.

К сожалению, за тысячелетия человеческой истории понятия демократии и либерализма порой искажались до неузнаваемости. Например, в мире есть немало политических партий, называющих себя демократическими, либеральными или либерально-демократическими. Доказывают, что именно они – самые демократичные и самые убежденные защитники свободы. И что же? Часто они отстаивают идеи и цели, ничего общего ни с демократией, ни со свободой не имеющие. Ярчайший пример расхождения слова и дела дала коммунистическая партия. Сталинская конституция объявлялась ее пропагандистами «самой демократической конституцией в мире». Между прочим, если читать сам ее текст, так оно и было, пожалуй. Но вспомним. Она была принята в 1936 году, а на следующий, памятный 1937 год, Сталин недрогнувшей рукой подписывал тысячные расстрельные списки несчастных, осужденных на смерть без суда и следствия, направлял в тюрьмы и лагеря ГУЛАГа сотни эшелонов «врагов народа», а также жен, стариков и детей - «членов семей изменников родины, ЧСИР», потом дошло и до отправки в ссылку целых народов...

А ведь все нужные слова о правах человека были в Конституции записаны!

Так что не верьте на слово политикам, использующим хорошие слова, - верьте только делам!

Философия либерализма есть порождение западной цивилизации, хотя и на Западе, как известно, не все ее принимают, или по крайней мере, не все одинаково понимают. Как говорил Дж.Локк, по праву считающийся одним из основоположников этого направления общественной мысли, концепция либерализма исходит из того, что *«единственный путь, посредством которого кто-либо отказывается от своей естественной свободы и надевает на себя узы гражданского общества, - это соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности чем кто-либо, не являющийся членом общества... Когда какое-либо число людей таким образом согласилось **создать сообщество или государство**, то они тем самым уже объединены и составляют **единый политический организм...**»¹¹*

Итак, государство создается ради весьма ограниченной и конкретной цели: для того, чтобы люди могли удобно, благополучно и мирно жить.

Если перевести это на современный язык экономистов либерального толка, высказанная мысль состоит в том, что государство не должно быть «большим», то есть всеобъемлющим, подчиняющим себе всю экономику и вообще все стороны жизни общества, вплоть до образа мыслей граждан, как это было, например, в государстве, которое называлось СССР. Оно, напротив, должно быть по возможности «маленьким», то есть охватывать только то, без чего людям было бы жить труднее, менее удобно и

спокойно. Очень точно выразил это другой классик либерализма В. Гумбольдт, назвав одну из своих работ: «Опыт установления пределов государственной деятельности». (Обратите внимание на подчеркнутое мною слово!)

По существу, все разногласия, дискуссии между российскими политиками и экономистами – об уровне налогов, о субсидировании отраслей промышленности и сельского хозяйства, о платности или бесплатности образования и здравоохранения, и так далее, и тому подобное, так или иначе сводятся к приведенной формуле Гумбольдта – о *пределах государственной деятельности*. Именно здесь лежит водораздел между так называемыми государственниками и либералами, а вовсе не в том, что первые, как они утверждают, патриоты и за сильное государство, а вторые – наоборот. Разумеется, сильное Российское государство не менее дорого российским либералам, чем политикам, монополизировавшим хорошее слово «патриотизм», - вопрос лишь в том, как понимают люди смысл и назначение государства.

Повторим: когда экономисты говорят о «величине» государства, то речь вовсе не идет о размерах страны как таковой (Россия – большая, Люксембург – маленький). С экономической точки зрения, дело сводится к тому, какую долю составляют доходы государства (соответственно – расходы) в общих доходах (расходах) общества. Иными словами, чем большую долю доходов населения, фирм, организаций руководство страны собирает на общие нужды в виде налогов или иных сборов, тем оно «больше» или если хотите, «дороже».

В спорах о том, нужно ли государство «большое» или «малое», Россия не одинока. Вопрос о пределах государственной

¹¹ Локк Дж. Избранное, т.3, с.317.

деятельности в разных странах решается по-разному. Жупелом, пугающим примером в дискуссиях часто служит опыт бывшего СССР и других социалистических стран, где государство раздулось сверх всяких мыслимых пределов. Другой крайностью – либеральной – многим представляются знаменитые тэтчеризм в Великобритании и рейганомика в США.

В конце XX века в этом противостоянии наметилось явное превосходство либеральных идей. История признала за ними правоту главным образом потому, что «...в целом наиболее богатые страны современного мира – это те страны, где рынок наиболее развит и где существует наименьшее обязательное обложение (т.е. меньше всего централизованно управляемых ресурсов)» – пишет французский философ Ф.Нэмо¹².

Оказывается, что вмешательство государства в экономику, даже продиктованное заботой о социальной справедливости и о справедливом распределении, приводит в действительности ко всеобщему *обеднению*. Экономический «пирог» уменьшается всякий раз, когда предпринимается попытка произвольно его перераспределить. – утверждает тот же автор. Вот почему философия либерализма заключается в том, что свобода личности не противоположна всеобщему интересу, а представляет собой его главную движущую силу (там же, с. 263).

В отличие от либерализма, целью которого является обеспечение максимальной свободы каждой отдельной личности, демократия предназначена для согласования общественных интересов. Дело в том, что на либеральном (свободном) рынке не все преуспевают. Есть и слои населения, «обделенные» благами по

¹² Ф.Нэмо. Либерализм. . Опыт словаря нового мышления. Под общей редакцией Ю.Афанасьева и М.Ферро. М.:Прогресс, П.: Пайо. 1989. С. 269

разным причинам, чаще всего по причине неспособности зарабатывать собственным трудом (больные, пенсионеры и т.д.), но нередко и вследствие каких-то житейских обстоятельств, неудач в бизнесе (проигрыша в конкуренции) и тому подобному. Демократия стремится компенсировать неизбежные напряжения и трудности, возникающие из-за этого в обществе, предохранить его от возможного социального взрыва, обеспечить нормальное функционирование. *В этом смысле либерализм, как инструмент выражения и защиты частных интересов, как бы противоположен демократии, которая является инструментом выражения и защиты интересов общественных. Но в своем сочетании они, как показывает исторический опыт, служат мощным средством общественного и экономического прогресса. Давайте, уважаемый читатель, учтем этот важный вывод.*